Искусно б достигал назначенных ты мет.
Ужели подтверждать должна тебе я снова,
Что он, хотя мне брат, но столь изве́рга злова
Не может более сносить уже народ;
Л. 41 об. Что долг твой — истребить весь Асмонеев род;
Что быть счастливою не может Палестина,
Поколь отцу его подобна властелина
Делами, именем со мной в тебе не зрит.
Надежды был тебе благоприятен вид.
Я управляла здесь им порученным царством;
Щедротой, милостью и сладких слов коварством
Умела чернь, вельмож в свою ввести так сеть,
Что мнила всех сердца в руке своей иметь.
А доведя все те злодействия до Рима,
Какими от него страна сия томима,
В те дни, как уж его Антоний друг и бог,
Ниспадший с высоты, помочь ему не мог
(Октавиан,[20] всем его приверженцам мстя злобно,
Быть должен враг ему), — могла ли я в удобно
Толь время для себя такого жребья ждать,
Чтоб Мариамне вновь рабынею мне стать?
О сын! любезный сын, ах! как сие случилось,
Что сердце Августа ко Ироду смягчилось?
И паки нам он царь?

Антипатр

Зри опыт в нем ума
И духа твердого и удивись сама:
О том скажи ты мне, что делать было можно?
Иной бы размышлять стал прежде осторожно,
Как к повелителю вселенной подступить,
Как гнев того к себе на милость преклонить,
Пред троном коего, как бы царей соборы,
Седый Сената сонм, вкруг ликторские взоры,
Блестя секирами, как молнии, грозят,
В порфирах узники в подножии лежат;
Но Ирод, не смотря на всё сие, свободно
Предстал пред сонмом сим и важно, благородно, —
Прилично как царю, так кесарю сказал:
«В Антонии моем я друга потерял, —
Л. 42 об. Угодно так судьбе. Но верь, не мной то стало,
Что верх твое над ним оружье одержало.
От Клеопатры я советовал отстать
И сим ему ее империи испытать
Еще в бою хоть раз с тобой средь рока злова.
На помощь грудь ему была сия готова.
Я думал, наш союз и истинная честь
Велела мне себя против тебя так весть,

[20] Слово читается в три слога.